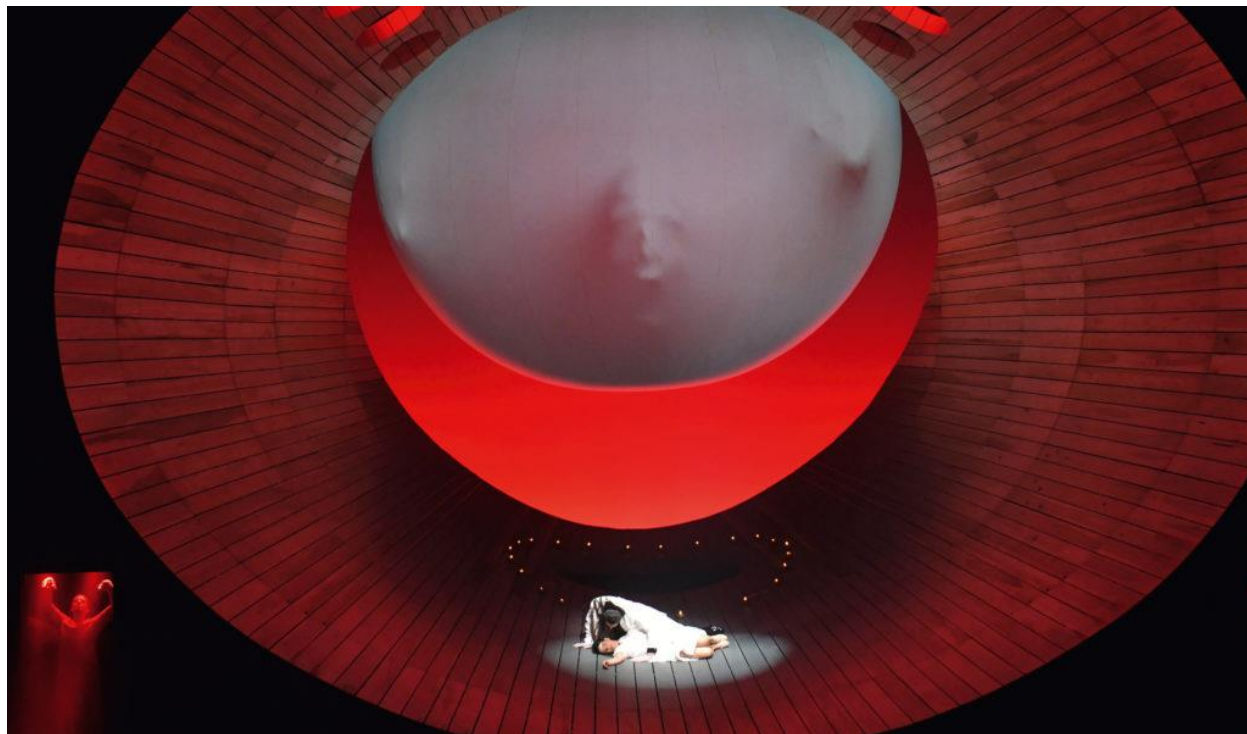

ТЕКСТ: [МАРИЯ БАБАЛОВА](#) ФОТО: © ANTONI BOFILL 02.07.2018

РЕЦЕНЗИИ

ПРОДЕЛКИ ДЕМОНА В БАРСЕЛОНЕ НА СЦЕНЕ ЗНАМЕНИТОГО GRAN TEATRE DEL LICEU ДМИТРИЙ БЕРТМАН ПОСТАВИЛ «ДЕМОНА» АНТОНА РУБИНШТЕЙНА

Сегодня попытка расширить «джентльменский набор» русских опер в мировом театральном пространстве считается хорошим тоном. Однако появление на афишах главных оперных домов имени русского композитора, неизвестного широкой публике, становится событием неизменно эксклюзивным, а иногда и исторически значимым. Хотя люди, театры, потакая шлягерным интересам аудитории, редко выказывают готовность идти на финансовый риск, даже если новая работа способна принести солидные дивиденды, но нематериального свойства.

Возглавляющая ныне «Лицеу» немка Кристина Шепельман – из тех европейских интендантов, кто умеет соблюсти всяческую толерантность, избегая художественной тривиальности. Прежде чем перебраться в Барселону, она несколько лет работала в тандеме с Пласидо Доминго в Вашингтонской опере, а потом стала первым руководителем оперной компании в районе Персидского залива – Королевского Оперного театра Маската, только недавно открывшегося миру султаната.

«Демон» должен был явиться миру в облике Дмитрия Хворостовского – договоренность об этом проекте была достигнута, когда еще никто и подумать не мог, что всемирно любимый русский баритон погибнет от страшной болезни в самом расцвете сил и таланта. Для Дмитрия Хворостовского Демон стал последней, 27-й партией в опере. Премьера его «Демона» – редкий случай в оперной карьере выдающегося баритона – прошла в Москве на ставшими ради такого момента театральными подмостках Концертного зала имени П. И. Чайковского в конце января 2015 года. Три с половиной месяца спустя Дмитрий узнал, что смертельно болен... Он любил эту работу, очень радовался возможности сотворчества с другом и тезкой Дмитрием Бертманом и упоенно говорил об их «Демоне» сразу после московской премьеры:

– Несмотря на представление в концертном зале, у нас получилась постановка не «semi-stage», а «full-stage» – тотальный театр. Ты открыт зрителю на все 360 градусов, будто играешь в кино. О чем думаешь, как ты мыслишь, как чувствуешь – читается публикой со всех сторон. Ничего не нужно изображать, укрупнять, как иногда приходится делать для большой сцены. Хотя есть другая трудность – к сожалению, это не идеальный зал для вокального искусства, акустика очень неровная.

У меня была давняя мечта – исполнить эту роль на оперной сцене. Несколько лет назад мы с Валерием Гергиевым попытались представить в концертном исполнении отдельные сцены, но я жестоко заболел. В этом, казалось, проявилось некое предзнаменование, хотя меня это нисколько не испугало. И когда я встретился с Бертманом, идея с «Демоном» возникла вновь.

Начиная учить эту роль, я слушал записи Баттистини, Руффо, Шаляпина, русского баритона Максакова... Из советских певцов гораздо интереснее знаменитых солистов Большого театра исполнил Демона Георг Отс. Я очень кропотливо работал над ролью, собирая по крупицам штрихи, какие-то исполнительские «трюки».

Но судьба распорядилась иначе: Дмитрий Хворостовский, уже борющийся с убивающим его недугом, успел выступить лишь на историческом гала-концерте, как раз открывавшем отреставрированную сцену «Геликона» осенью 2015 года. Остальным же планам сбыться было не суждено.

С одной стороны, факт премьеры в Барселоне подтверждает закон: «The Show Must Go On». С другой, эта премьера – свидетельство того, что великие люди продолжают влиять на нашу жизнь и после своего ухода. И теперь все бремя творческой ответственности и дружеской верности пало на плечи Дмитрия Бертмана. Он мудро не стал предпринимать попытку «повторить» тот спектакль, что был построен на могучем, притягательно-

провокативном образе Демона-Хворостовского. А создал постановку впечатляющей мистической притчи об общечеловеческих ценностях. На фоне космического пейзажа в огромном тоннеле, будто в безумном коллайдере (роскошная сценография немецкого художника Хартмута Шоргхофера), происходит столкновение добра и зла. В финале же спектакля эта цилиндрическая конструкция, созданная в каталонской мастерской Quim Guixà (той, что сделала фигуру талисмана Олимпийских игр 1992 года Коби, улетавшего с Олимпийского стадиона на церемонии закрытия Игр), превращается в громадное всевидящее Око.

Для европейской премьеры партитура оперы была существенно сокращена – сконцентрирована, превратившись в спектакль продолжительностью всего в два с половиной часа, где действие стало максимально динамичным. Но, несмотря на все старания дирижера Михаила Татарникова, на территории неизвестной музыки оркестру эта работа давалась с заметным трудом, не хватило сил на нюансы и тонкости. Хору, который пел с очевидным усердием, русский язык практически не поддавался.

Спектакль получился не о любовной страсти Сатаны к грузинской красавице Тамаре, а о вечной дуэли черного Демона и белого Ангела. И в барселонском раунде победа осталась за Ангелом. Украинский контратенор Юрий Миненко – харизматичный, с красивым и полнзвучным голосом, он был куда убедительнее и притягательнее в небольшой партии, чем латышский баритон Эгилс Силиньш в титульной роли. Его Демон удивительно бесстрастен и формален, к тому же певец был крайне приблизителен в вокальном исполнении. И, как результат, два из трех его красивейших хитовых романса были публикой фактически «проигнорированы». Меццо-сопрано Лариса Костюк в маленькой роли Няни, этакой надзирательницы – настоящее воплощение исчадия ада, создала куда более запоминающийся образ. Классными певцами себя проявили и украинский бас Александр Цымбалюк в партии отца Тамары князя Гудала, и тенор Игорь Морозов, пылко влюбленный в его дочь Синодал, хотя драматургически значение их ролей стремится к нулю. Но если Александр Цымбалюк и Юрий Миненко сегодня уже имеют хорошую европейскую карьеру, то для Игоря Морозова дебют в «Лисеу» стал идеальной возможностью заявить о себе как о лирическом теноре международного уровня.

Эгилс Силиньш – Демон и Асмик Григорян – Тамара

Феноменальным событием этой уникальной премьеры стала прекрасная сопрано Асмик Григорян. Она невероятно тонко, со множеством нюансов передает всю палитру переживаний, как сценических, так и реальных. Ее восхитительная Тамара, невероятно трепетная, нежная, любящая, но абсолютно одинокая – подлинное воплощение обнаженной души, ключевая фигура спектакля. Девушка окружена лишь полчищем жутких черно-красных чудовищ, напоминающих анубисов и кинокефалов, с головами шакалов, что, согласно мифу, провожали людей в царство мертвых. Они почти постоянно вьются вокруг Тамары в зловещем ритуальном танце (хореография Эдвальда Смирнова). Вывод: мир трагичен по своей сути, а счастье, несмотря на всю силу стремления к нему человечества, призрачно.

Асмик Григорян не скрывает, что после кончины Дмитрия Хворостовского думала, что больше никогда не будет петь эту оперу после премьеры 2015 года. И после семи премьерных показов в Барселоне хочет навсегда проститься со своей Тамарой. Спектакль же, посвященный памяти выдающегося певца, продолжит европейское путешествие – переедет сначала во французский Бордо, потом в немецкий Нюрнберг, а в 2020 году обретет постоянную прописку в московской «Геликон-опере».

В Барселоне же музыкальные круги очень заинтригованы, прознав, что совсем недавно найдена опера «Иисус Христос», принадлежащая также перу Антона Рубинштейна, который не боялся сближения ни с inferнальными силами, ни с божественными.